

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

V. ¹⁾

Я помню еще то патриархальное время нашего забулыснаго міра, когда артисты, вмѣсто нынѣшнихъ такъ называемыхъ разовыхъ (т. е. поспектакльной платы), получали каждый вечеръ просто по двѣ восковыя свѣчки, которыя обыкновенно они и зажигали у собственнаго своего зеркала; ²⁾ тогда въ довольно обширной уборной стояло только одно большое зеркало, а потому физически невозможно было всѣмъ воспользоваться имъ для своего туалета и гримировки. Само собою разумѣется, что не всѣ же артисты безъ исключенія получали эти поспектакльныя свѣчки, было много и такихъ, которыхъ игра, какъ говорится, не стоила свѣчь.

Помню я, какъ нѣкоторые изъ актеровъ, которые относились въ своей личности не слишкѣмъ кокетливо, предлагали эти свѣчки своимъ товарищамъ сыграть на узелки; иные же, изъ экономіи, зажигали одну только свѣчку, а другую сберегали для домашняго обихода. Нынѣшняя поспектакльная плата, конечно, очень выгодна для артистовъ; особенно для тѣхъ, у кого большой репертуаръ, но если взглянуть съ нравственной точки зрѣнія, то

---

¹⁾ См. другія главы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина»: А. С. Грибодовъ («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; изд. 1873 г., т. VII, стр. 146—179; т. VIII, стр. 306—333; изд. 1874 г., т. IX, стр. 732—753).

Ред.

²⁾ Французское feu, вѣроятно, ведетъ отсюда свое техническое начало.

П. К.

эта поденная плата много приносить вреда искусству; для этой приманки иной первоклассный артистъ хлопочетъ не о качествѣ, а о количествѣ своихъ ролей. Корыстолюбивый расчетъ заставляетъ его иногда брать па себя ничтожныя роли, огнивая таковыя у второстепенныхъ актеровъ, которые получаютъ незначительную плату въ сравненіи съ нимъ и тѣмъ, конечно, возбуждаетъ справедливое негодованіе съ ихъ стороны. Короче — это закулисное яблоко раздора. О немъ многое можно бы было сказать, но зачѣмъ? Я пишу не современные записки, а вспоминаю старину.

Начало поспектакльной платы въ нашей драматической группѣ относится къ далекому прошлому. Въ концѣ 1810-хъ годовъ знаменитая трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова первая начала получать ее и вотъ по какому поводу: эта артистка, при громадномъ ея талантѣ, была немного лѣнива, а подчасъ и капризна, такъ что зачастую, подъ предлогомъ болѣзни, отказывалась отъ своей должности; отчего, разумѣется, страдалъ и репертуаръ, и выгоды дирекціи. Чтобы какъ-нибудь заинтересовать актрису съ матеріальной стороны, дирекція, при возобновленіи ея контракта, увеличивъ окладъ ея жалованья, включила въ условіе: сыграть не менѣе опредѣленнаго числа спектаклей въ продолженіи года, получая за каждое представленіе добавочную сумму, такъ что чѣмъ бы болѣе она сыграла, тѣмъ болѣе получила бы вознагражденія. Эта мѣра имѣла обоюдную пользу, потому что Семенова пользовалась любовью публики и появленіе ея на сценѣ давало почти всегда полные сборы. Вотъ съ этого времени и началась у насъ поспектакльная плата. Примѣръ Семеновой побудилъ и другихъ первоклассныхъ артистокъ заключать съ дирекціей контракты на тѣхъ же условіяхъ.

Здѣсь я посвящаю нѣсколько строкъ памяти этой геніальной артистки, которая, конечно, должна занять почетное мѣсто въ исторіи рускаго театра. Екатерина Семеновна Семенова воспитывалась въ Театральномъ училищѣ, которое было основано въ царствованіе императрицы Екатерины II, при содѣйствіи знаменитаго артиста Ивана Аванасьевича Дмитревскаго въ 1779 году. Оно находилось тогда въ Большой Милліонной, подлѣ Зимняго дворца, гдѣ теперь преображенскія казармы. Это зданіе называлось въ то время лейб-компанскимъ корпусомъ.

Екатерина Семеновна, будучи еще воспитанницею, дебютировала (въ 1803 году, 3-го февраля) въ комедіи «Нанина», подъ руководствомъ Дмитревскаго, который занималъ тогда должность учителя драматическаго искусства; второй ея дебютъ былъ въ 1804 году, въ трагедіи «Ермакъ» (сочиненіе актера Плавильщикова), въ роли Ирты, которую она приготовляла при содѣйствіи самаго автора. Слѣдующіе ея дебюты были въ трагедіяхъ: «Эдипъ въ Афинахъ».—Озерова, въ томъ же году, и въ «Рославѣ», сочиненіе Княжнина въ 1805 году; въ первой она играла Антигону, во второй—Зафиру; обѣ эти роли она приготовляла подъ руководствомъ кн. Шаховскаго.

Съ появленіемъ трагедій Озерова сценическіе успѣхи Семеновой стали быстро возрастать и вскорѣ она могла, по справедливости, назваться любимицей публики. Въ этотъ періодъ времени она оставила прежняго своего учителя, кн. Шаховскаго, и проходила свои роли съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ (извѣстнымъ переводчикомъ Иліады). Этотъ высокообразованный литераторъ, строгій элленистъ и классикъ много способствовалъ своими умными совѣтами развитію ея природнаго таланта.

Въ 1807 году поступила на сцену Марія Ивановна Валберхова (дочь балетмейстера), новая ученица Шаховскаго, и дебютировала также въ роли Антигоны. Хотя эта умная и образованная актриса и не имѣла средствъ, необходимыхъ для трагическихъ ролей, но кн. Шаховской, во что бы то ни стало, силился создать изъ нее опасную соперницу оставившей его ученицѣ. Тутъ истые театралы раздѣлились на два враждебные лагеря: начальство, въ главѣ котораго былъ тогда Шаховской, поддерживало одну, а публика—другую.

Эта партизанская война продолжалась года четыре, но наконецъ, въ одно изъ представленій трагедіи: «Китайская Сирота», переведенной кн. Шаховскимъ, Валберхова была ошканима, и въ 1811 году сошла со сцены.¹⁾

Съ этого года по 1820 годъ Семенова безраздѣльно пер-

¹⁾ Въ 1815 году она вновь поступила на службу и дебютировала въ комедіи кн. Шаховскаго, подъ названіемъ: «Липецкія воды», имѣвшей огромный успѣхъ въ свое время; съ тѣхъ поръ она заняла первыя роли въ комедіи, но уже не имѣла притязанія соперничать съ Семеновой. П. Е.

венствовала въ трагедіяхъ. Въ этотъ послѣдній годъ, по причинѣ какихъ-то неудовольствій съ тогдашнимъ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, она не хотѣла продолжать своей службы и вышла въ отставку.

Въ 1822 году, когда вмѣсто Тюфякина занялъ должность директора Майковъ, она снова поступила на сцену и играла въ первый разъ роль Клитемнестры въ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ бенефисъ прежней своей соперницы, Валберховой, что, конечно, дѣлаетъ большую честь ея доброму сердцу. Около этого времени скончался отецъ Валберховой, оставя огромное семейство безо всякихъ средствъ; жены своей лишился онъ задолго еще до своей кончины и такимъ образомъ главой осиротѣлой семьи осталась старшая его дочь, Марія Ивановна, которая впоследствии замѣнила чадолюбивую мать своимъ братьямъ и сестрамъ.¹⁾ Я живо помню этотъ замѣчательный спектакль: восторгъ публики, при появленіи Семеновы на сцену, былъ необычайный; сборъ, по тому времени, небывалый: онъ простирался до 12-ти тысячъ ассигнаціями.

Въ моей памяти не только сохранились всѣ лучшія роли изъ ея репертуара, но я самъ удостоился чести играть вмѣстѣ съ нею.

Въ 1825 году была переведена съ французскаго трагедія: «Габріель де-Вержи». Покойный братъ мой игралъ роль графа Фаала, мужа Габріели, а я (по назначенію Екатерины Семеновны) исполнялъ роль графа де-Куси, возлюбленнаго Габріели. Мнѣ въ то время было лѣтъ 19-ть, а ей далеко уже за 40, но она и тогда еще не утратила своей изящной красоты. Вообще природа надѣлила ее рѣдкими сценическими средствами: строгій благородный профиль ея красиваго лица напоминалъ древнія камені; прямой, пропорціональный носъ, съ небольшимъ горбомъ, каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, умѣренный ротъ,—все это вмѣстѣ обаятельно дѣйствовало на каждаго, при первомъ взглядѣ

¹⁾ Эта безупречной честности женщина и добросовѣстная артистка, по справедливости, заслужила всеобщее уваженіе: она въ цвѣтущей своей молодости добровольно отказалась отъ брачнаго союза для своего семейства и всю жизнь ея была посвящена заботамъ и нѣжнымъ попеченіямъ о своихъ родныхъ. Она скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, искренне оплакиваемая родными и близко знавшими ее.

на нее. Контральтовый, гармоничный тембръ ея голоса былъ необыкновенно симпатиченъ и въ сильныхъ патетическихъ сценахъ глубоко проникалъ въ душу зрителя. Въ греческихъ и римскихъ костюмахъ она бы могла служить скульптору великолѣпной моделью для воспроизведенія личностей: Агриппины, Лукреціи или Клитемнестры. Но вотъ въ чемъ еще важная заслуга нашей русской артистки: знаменитая Рашель играла въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, звучные и плавные стихи которыхъ и теперь еще цитируютъ, какъ образецъ классической версификаціи, а наша Семенова играла эти самыя пьесы въ переводахъ Лобанова, Поморскаго или, что еще хуже, графа Хвостова. Признаться, надо было много имѣть таланта, чтобы, произнося на сценѣ такія дубоватія вирши, приводить въ восторгъ зрителей своею игрою. Это все равно, еслибъ теперь, напримѣръ, заставить геніальную Патти пропѣть дикую ораторію абиссинскаго маэстро.....

Приведемъ для образчика нѣсколько этихъ неудобо-выговариваемыхъ стиховъ:

Герміона, въ трагедіи «Андромаха», перев. гр. Хвостова.

Гдѣ я? что дѣлаю? что дѣлать остается?
 Почто сей жаръ въ груди? почто такъ сердце рвется?
 Я по чертогамъ симъ, скитаючись, бѣгу...
 Люблю, или злобствую—сама звать не могу.

или:

Держа въ рукѣ кинжалъ, въ себя вонзила мечъ!

А вотъ стихи изъ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ переводѣ Лобанова, который тогда считался лучшимъ переводчикомъ:

О змѣѣ, ужаснѣйшей Мегеры лютыхъ чадъ,
 Чудовище, что къ намъ извергнувъ въ гнѣвъ адъ!
 И небо не гремитъ и зрю ее не мертвою,
 Но гдѣ, несчастная, найти мечтаю жертву?

или, въ той же трагедіи:

Мой духъ трепещеть!
 То кровь царя боговъ, что громъ съ Олимпа мечеть

Федра, Клитемнестра, Медея, Семирамида, Камилла (въ Горацияхъ), Антигона и Мелодра были торжествомъ таланта Е. С. Семеновой.

Не знаю почему, но одно мѣсто въ трагедіи «Медея» такъ сильно на меня подѣйствовало, такъ глубоко вѣззалось въ моей памяти, что даже, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, я, какъ теперь ее вижу, слышу звукъ ея обаятельнаго голоса: это было именно послѣднее явленіе въ 5-мъ актѣ, когда Медея, зарѣзавъ своихъ дѣтей, является въ иступленіи къ Явону: въ правой рукѣ она держитъ окровавленный кинжалъ, а лѣвой — указываетъ на него, вперивъ свирѣпыя глаза въ измѣнника и говорить ему:

«Взгляни... вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!»

Этотъ стихъ, произнесенный ею, постоянно производилъ потрясающее дѣйствіе на зрителей и вызывалъ громъ рукоплесканій. Здѣсь мнѣ пришло на память одно грустное происшествіе, случившееся съ Семеновою въ Москвѣ, которую она не разъ посѣщала.

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ назначена была, для перваго выхода Екатерины Семеновны трагедія «Семирамида». Разумѣется, за нѣсколько дней до представленія, всѣ билеты были разобраны на расхватъ; но наканунѣ этого спектакля московскій актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ, однако, поутру на репетицію и предупреждалъ режисера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режисеръ бросился къ директору съ этимъ не-приятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно пріѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни за что не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ, съ своей стороны, пугнулъ бѣднягу и далъ ему замѣтить, что если изъ-за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозился отставить его отъ службы. Нечего дѣлать. Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ поворился необходимости: кое-

какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду и, какъ гладиаторъ, пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства.

Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталь..... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ-за кулисъ всѣ бросились къ нему... но... онъ уже покончилъ свою жизненную драму!.. апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни.

Можно себѣ представить, какою потрясающею эфектъ произвела въ театрѣ эта роковая катастрофа.

Мертвеца отнесли въ уборную и совлекли съ него мишурное облаченіе.

Тотъ же эскулапъ, который поутру не предвидѣлъ ничего опаснаго въ болѣзни, пустилъ ему кровь, но никакія медицинскія мѣры не могли возвратитъ жизни бѣдному труженику.

Публика болѣе четверти часа оставалась въ недоумѣніи; наконецъ пришли ей возвѣститъ, что спектакль, по внезапной болѣзни актера Кондакова не можетъ быть оконченъ. Начался, конечно, шумъ, говоръ, суматоха: кто требовалъ назадъ деньги, кто спрашивалъ капельдинеровъ: можно-ли оставить билеты до будущаго представленія «Семирамиды»; нашлись, можетъ быть, и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ. Впрочемъ, подробныя послѣдствія этого злополучнаго спектакля мнѣ неизвѣстны; но вотъ еще какая драма разыгралась за кулисами послѣ этой неоконченной трагедіи. Товарищи Кондакова, чтобы не испугать его жены и семейства, рѣшились оставить его трупъ до утра въ театрѣ, положили его въ уборной на столъ, покрыли простыней и зажгли на другомъ столѣ лампаду. Послѣ «Семирамиды» назначенъ былъ дивертисментъ, въ которомъ слѣдовало участвовать танцовщицу Лобанову; онъ давалъ тогда уроки танцованія во многихъ домахъ, такъ точно и въ этотъ вечеръ занять былъ гдѣ-то на урокъ, и рассчитывая, что представленіе «Семирамиды» продолжится, по крайней мѣрѣ, часа три, не торопился на службу. Вотъ, часовъ около 10-ти, отправляется онъ спокойно на извозничей клячѣ въ театръ, но вдругъ издали замѣчаетъ, что вокругъ театра фонари погашены. У танцора душа ушла въ пятки. Онъ тузить въ спину своего ваньку, кри-

чить, чтобы тотъ скакалъ во всю мочь, и хотъ онъ былъ въ разгоряченномъ состояніи послѣ своихъ уроковъ, но его бросило въ ознобъ отъ страха.

— Что это значитъ? думалъ онъ, неужели ужъ кончился спектакль? неужели я опоздалъ?! возможно-ли, чтобы такъ рано отыграли «Семирамиду»?

Съ ужасомъ онъ представляетъ себѣ, какая страшная гроза стряслась надъ его головой! Наконецъ онъ подъѣзжаетъ къ театру, кругомъ все пусто: ни будочниковъ, ни жандармовъ, нѣтъ даже ни одной театральной кареты у подъѣзда. Опрометью взбѣгаетъ онъ на верхъ. Повсюду тьма, ни одной живой души: не у кого спросить. Кое-какъ ощупью добрался онъ до своей уборной (именно той, гдѣ былъ положенъ покойникъ), отворилъ дверь; видитъ лежитъ кто-то на столѣ, закрытый простынею. Полагая, что это долженъ быть сторожъ (который, какъ на грѣхъ, въ это время вышелъ куда-то), онъ тормозитъ покойника и кричитъ ему:

— «Фадѣвъ, Фадѣвъ! проснись! вставай поскорѣе! Давно-ли кончился спектакль?»

Сдергиваетъ простыню и видитъ посинѣлаго мертвеца, со сложенными на крестъ руками, къ которымъ прислоненъ маленькій образокъ.

Легко вообразить себѣ, что было съ танцоромъ въ этотъ моментъ. Съ крикомъ бросился онъ изъ уборной, сбѣжалъ внизъ, за кулисами хватился лбомъ объ стѣну, едва могъ отыскать выходныя двери и, какъ полупомѣшанный, выбѣжалъ на улицу. Квартира его находилась довольно далеко отъ театра, но онъ шагу не могъ сдѣлать: ноги у него подкашивались, онъ готовъ былъ упасть у самага подъѣзда. По счастью, извоцику, который привезъ его, онъ, въ попыхахъ, забылъ отдать деньги, и тотъ ждалъ у подъѣзда его возвращенія. Кинувшись въ сани, онъ едва могъ выговорить, куда его везти. Послѣ этого происшествія бѣднякъ Лобановъ недѣль шесть пролежалъ въ горячкѣ и чуть не отправился вслѣдъ за виновникомъ своего паническаго страха.

Екатерина Семеновна окончателно оставила сцену въ началѣ 1826 года; вскорѣ послѣ того она вышла замужъ за сенатора, д. т. сов. кн. Ивана Алексѣевича Гагарина и переселилась на жительство въ Москву, гдѣ, будучи княгинею, иногда

играла на домашнихъ театрахъ. Овдовѣвъ, она нѣсколько разъ прїѣзжала въ Петербургъ и также участвовала раза два въ любительскихъ спектакляхъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ известнаго тогда капиталиста, Александра Карловича Галлера. Послѣдній разъ, въ 1847 г., она рѣшилась сыграть для публики и приняла участіе въ спектаклѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ домѣ Энгельгардта, гдѣ теперь помѣщается купеческій клубъ. Всѣ эти спектакли мнѣ привелось видѣть.

Но, Боже мой! кѣмъ она была окружена! Это были трагик-любители, въ числѣ которыхъ первенствовали и, трянувъ стариной, свирѣпствовали нашъ мученикъ драматическаго искусства пресловутый Александръ Ивановичъ Храповицкій (о которомъ я упоминалъ въ прежнихъ отрывкахъ изъ моихъ записокъ). Понятное дѣло, каково ей было возиться съ такими Агамемнонами, Тезеями и Явонами. И все-таки, несмотря на окружающій ее персоналъ, на преклонныя ея лѣта (ей было тогда уже 62 года), были минуты, когда, какъ-будто прозвучать давно, давно знакомые мнѣ звуки ея дивнаго голоса, какъ-будто изъ-подъ пепла блеснетъ на мгновеніе искорка того божественнаго огня, который, во время оно, воспламенялъ эту великую художницу! Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ казалось, но молодежь, не выдавшая этой гениальной артистки въ лучшую ея пору, насмѣшливо смотрѣла на эту верховную жрицу Мельпомены и говорила:

— Помилуйте, неужели эти развалины могли быть когда-нибудь знаменитостью?

Да, можетъ быть это были и развалины, но развалины Коллея, на которыя художники и теперь еще смотрятъ съ благоговѣніемъ.

Семенова скончалась въ 1849 году, отъ тифозной горячки, въ Петербургѣ, куда прїѣхала на время, по случаю какой-то семейной тяжбы, и занимала скромную квартиру въ 3-мъ этажѣ, въ угловомъ домѣ, у Обухова моста, гдѣ она и жила вмѣстѣ съ старшей своею дочерью.

Похороны ея были также очень скромны и немногочисленны. Братъ мой, Александра Михайловна—жена его, Сосницкій, Брянскій, я и еще нѣсколько современныхъ ей артистовъ, конечно, за долгъ себѣ поставили проводить на владбище эту великую художницу.

Но вотъ что осталось, по кончинѣ ея, странной и до сихъ поръ неразъясненной загадкой: состояніе Е. С. Семеновою, по словамъ близвнхъ къ ней людей, простиралось до полутора миліона рублей ассигнаціями. Кромѣ ея собственнаго капитала, пріобрѣтеннаго ею въ продолженіи двадцати-лѣтней службы при театрѣ, покойный ея мужъ, еще при жизни своей, продалъ домъ свой—въ Большой Милліонной, дачу на Аптекарскомъ островѣ, огромное подмосковное имѣніе и всѣ деньги, полученныя отъ этой продажи, отданы были ей. Гдѣ этотъ капиталъ сохранялся, былъ-ли онъ положенъ въ банкъ, или ломбардъ? никто этого не могъ узвать. Если бы даже этотъ капиталъ былъ положенъ на имя неизвѣстной, какъ тогда зачастую дѣлалось, или былъ отданъ въ частныя руки, то куда же дѣвались билеты, росписки или квитанціи на такую огромную сумму? Короче сказать, ни духовнаго завѣщанія, ни деверъ, ни квитанцій нигдѣ не оказалось—все исчезло безъ всякаго слѣда!

VI.

Лѣтъ за пять еще до построенія главнаго штаба, на этомъ самомъ мѣстѣ находился такъ называемый Купшелевскій театръ: вѣроятно онъ носилъ такое названіе по фамиліи прежняго домовладѣльца. На этомъ театрѣ, въ 13 и 14 годахъ, давались русскіе спектакли молодою труппою (какъ гласила афиша), подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Сосницкій, Брянскій, Рамазановъ, Боченковъ, Величкинъ, Воробьева (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Сосницкаго), Асенкова (мать Варвары Николаевны), Анна Матѣевна Степанова (впослѣдствіи жена Брянскаго) и многіе другіе тутъ начали свою артистическую карьеру.

Въ концѣ 1814 г. Купшелевскій театръ былъ отданъ во владѣніе нѣмецкой труппѣ. Туда зачастую требовали воспитанниковъ Театральнаго училища (говоря технически) и на выходѣ, для изображенія пажовъ, пейзажъ, рыцарей и тому подобныхъ безсловесныхъ персонажей, въ числѣ которыхъ и я тогда участвовалъ. Помню я, что зрительная зала этого театра была очень некрасива: закоптѣлая позолота, грязныя драпри у ложъ, тусклая люстра, на сценѣ ветхія девораціи и кулисы, въ коридорахъ повсюду деревянные лѣстницы, въ уборныхъ была постоянная копоть отъ неисправныхъ лампъ, наполненныхъ чуть-ли ни постнымъ масломъ.

Театральный подвѣздъ приходился прямо противъ главныхъ воротъ Зимняго дворца. Ничего не было для меня скучнѣе этихъ нѣмецкихъ спектаклей; особенно въ праздничные, или воскресные дни, въ которые насъ обыкновенно распускали изъ школы, а тутъ вдругъ потребуютъ на репетицію, гдѣ пробудешь часовъ до трехъ, а въ шесть надо было ѣхать въ спектакль; бывало едва успѣешь сбѣгать домой повидаться съ родными и кое-какъ, на-скоро пообѣдать.

Въ тогдашней нѣмецкой труппѣ были первыми артистами Гебгардтъ (трагикъ)—мужъ и жена, Вильде также mit seiner Frau; Линденштейнъ—mit seiner Frau (она была въ то время знаменитая пѣвица); Заценговенъ—mit seiner Frau, Цилиаксъ—mit seiner Frau и другіе. Замѣчательно, что всѣ нѣмецкіе актеры того времени были женаты на актрисахъ, и, волей и неволей, должны были чуть не ежедневно извѣстяться въ любви публично своимъ дражайшимъ половинкамъ.

Понстинѣ тутъ нужно, какъ говорится, нѣмецкое терпѣніе и постоянство.

Часто мнѣ случалось, въ эти безконечные спектакли, проспать часа два, или три, гдѣ-нибудь за кулисами, въ ожиданіи своего выхода. Тогда длинуту своихъ представленій артисты увеличивали совершеннымъ незнаніемъ ролей. Суфлеръ, безъ церемоніи, кричалъ имъ изъ своей будки чуть не вовсе горло. Можетъ быть эти артисты говорили и съ чувствомъ и съ толкомъ, только съ ужасной разстановкой. Естественно, что по этой причинѣ спектакли требовали вдвое болѣе времени.

У суфлера, какъ я замѣчалъ, тогда постоянно была подъ рукою бутылка пива, которою онъ, держа за горлышко, пользовался безъ помощи стакана во время перемѣны декорацій, безъ чего, конечно его собственное горло до того бы пересохло, что, наконецъ, онъ не могъ бы произнести ни одного слова.

Помню я, какъ въ этихъ спектакляхъ, за неимѣніемъ статистовъ и хористовъ, нанимали просто булочниковъ и колбасниковъ, которымъ платили обычную плату за вечеръ; и благородные рыцари, гранды или римскіе патриціи, по окончаніи спектакля, снявъ знаки своихъ достоинствъ, отправлялись месить тѣсто, или начинать блютвурсты. Еще мнѣ припоминается одинъ пошлый анекдотъ съ теноромъ Цейбигомъ. Этотъ пѣвецъ имѣлъ привычку

во время пѣнія до невозможности раскрывать свой большой ротъ. Однажды кто-то изъ зрителей, сидя въ креслѣ 1-го ряда (вѣроятно это былъ нашъ братъ-русакъ; видно по замашкѣ), принесъ съ собою въ театръ хлѣбныхъ шариковъ и такъ искусно сдѣлалъ приловчиться, что во время какой-то длинной ферматы пустилъ незамѣтнымъ образомъ одинъ изъ хлѣбныхъ шариковъ прямо ему въ ротъ.

Бѣдный пѣвецъ оборвался на самой высокой нотѣ, закашлялся и долженъ былъ проглотить эту оскорбительную шутку; съ тѣхъ поръ онъ всегда старался отвертываться въ сторону, когда ему приходилось тануть длинную фермату.

Нѣмецкая публика, въ то патріархальное время, была очень простодушна: мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть въ ложахъ, даже 1-го яруса, пожилыхъ зрительницъ въ простыхъ чепчикахъ, одѣтыхъ по домашнему, съ чулкомъ, или филейнымъ вязаньемъ въ рукахъ. Онѣ внимательно слѣдили глазами за всѣми движеніями артистовъ, не пропускали ни одного слова, если только, разумѣется, не случалось имъ самимъ спускать петель. Когда же происходило на сценѣ что-нибудь очень чувствительное, танти и муттерхены, положуть, бывало, свое вязанье на барьеръ или себѣ на колѣни, сложуть вмѣстѣ пальцы, глубоко вздохнуть, поднимуть глаза въ небо, потомъ поднимуть очки на лобъ, утрутъ платкомъ слезы, высморкаются и снова примутся за свою работу.

VII.

Въ началѣ 1825 г. съ нашимъ театральнымъ кружкомъ сблизился капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде въ моихъ запискахъ.¹⁾ Очень часто я встрѣчалъ его въ домѣ кн. Шаховскаго. Это былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое то свирѣпое выраженіе: большіе черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью, сросшіяся густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его фізіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновою костью, зубы, бле-

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 301—303.

стѣли изъ-подъ усовъ его и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе. Любили мы съ братомъ слушать его любопытные рассказы о кавказской жизни и молодецкой, боевой удали. Эти рассказы были любимымъ его конькомъ, запасъ ихъ у него былъ неистощимъ. Онъ вполне могъ назваться Демосееномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный; рѣчь его лилась какъ быстрый потокъ, безостановочно; можно было подумать, что онъ свои рассказы прежде приготавливалъ и выучивалъ ихъ наизусть: каждое слово было на своемъ мѣстѣ и ни въ одномъ онъ никогда не запинался.

Если-бъ 14-го декабря (гдѣ онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ) ему довелось говорить народу, или, особенно, солдатамъ, онъ бы представительной своею личностію и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эффектовъ.

Мы, съ братомъ, нѣсколько разъ у него бывали; онъ жилъ тогда очень комфортабельно, у Краснаго моста, на углу Мойки; у него часто собиралось большое общество и мы встрѣчали тамъ многихъ молодыхъ людей, которые впоследствии получили печальную извѣстность, подъ именемъ декабристовъ. У него бывали между прочими — Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ. Иногда, послѣ обѣда, кто-нибудь изъ гостей (а чаще другихъ Рылѣевъ) просили моего брата прочесть что-нибудь изъ театральныхъ пьесъ — и братъ часто декламировалъ лучшіе монологи изъ любимыхъ его трагедій и мастерскимъ чтеніемъ своимъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе. Помню я, какъ однажды, незадолго до роковаго 14-го декабря, мы сидѣли у Якубовича за обѣдомъ, вдругъ входитъ его денщикъ и подаетъ ему паветъ изъ главнаго штаба. Онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, шумный разговоръ умолкъ... Якубовичъ прочелъ бумагу и глаза его еще сильнѣе налились кровью. Онъ передалъ бумагу Рылѣеву, который сидѣлъ подлѣ него, въ нему наклонились другіе и читали молча, нѣкоторые переглянулись между собою и видимо были сильно переконфужены. Мы, не посвященные въ ихъ тайны, конечно, не могли тогда понять, какая причина была ихъ тревога. Наконецъ Якубовичъ разразился полнымъ негодованіемъ. Дѣло было въ томъ, что дежурный гене-

раль прислалъ къ нему запросъ: почему онъ такъ долго остается въ Петербургѣ и не возвращается на Кавказъ? Вѣроятно срокъ его отпуска уже окончился. Якубовичъ скомкалъ бумагу и бросилъ ее на окошко.

— Чего еще имъ нужно отъ меня?!—вскричалъ онъ, развѣ они не знаютъ, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ на лбу моемъ не напечатана кровавая причина?

При этихъ словахъ онъ сорвалъ повязку съ своего лба, на которомъ широкій пластырь прикрывалъ его разбитый черепъ.

— Я могу имъ представить свидѣтельство отъ Арендта; онъ мнѣ здѣсь два раза дѣлалъ трепанацію. Что же еще имъ надобно? Вѣдь я для царской же службы подставлялъ этотъ лобъ!..

Александръ Бестужевъ сострилъ что-то по этому случаю, всѣ расхохотались и бесѣда пошла по прежнему: шумно и весело, какъ ни въ чемъ небывало. Послѣ обѣда мы сѣли на диванъ и закурили трубки, а нѣкоторые изъ гостей, въ другой комнатѣ составили отдѣльные кружки и тихо начали разговаривать между собою.

Послѣ 14-го декабря намъ сдѣлалось все ясно, тутъ мы поняли, какое важное значеніе имѣла эта бумага, присланная изъ главнаго штаба, а тогда мы, конечно, ничего не могли заподозрить.

Въ концѣ ноября было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Это неожиданное событіе всѣхъ сильно поразило. Всѣ почти непритворно о немъ плакали; появились гипсовые его бюсты, портреты съ печальными эмблематическими изображеніями, траурныя кольца съ надписью: «Нашъ ангель на небесахъ», все это покупалось тогда на расхватъ. Прошли смутныя, тяжелыя двѣ недѣли междуцарствія, въ продолженій которыхъ успѣли налитографировать портретъ Константина Павловича съ подписью: «Императоръ всероссійскій».

Приближалось грозное 14-е декабря...

Въ народѣ распространялись тревожныя слухи, что общественное мнѣніе сильно раздѣлено относительно пріемника престола. На рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, разные городскія сплетни и нелѣпыя толки; много было зловѣщихъ разсказовъ. Такъ и наша прислуга слышала гдѣ-то 13-го декабря, что завтра-де назначена войскамъ присяга и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Разумѣется, мы этому

ничему не вѣрили и запретили нашей прислугѣ повторять такія неслѣпости.

Наступило утро роковаго дня; казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ: на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Въ этотъ день былъ именинникъ нашъ директоръ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, который хотѣлъ справлять свои именины у дочерей своихъ Азаревичевыхъ, жившихъ съ матерью въ казенной квартирѣ въ домѣ Голлидея, во 2-мъ этажѣ (въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и мы жили). Надъ ними была тогда квартира танцовщицы Еватерины Телешовой, которую генерал-губернаторъ, гр. Милородовичъ, довольно часто посѣщалъ. Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четверней, подъѣхала къ крыльцу со двора и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ вышелъ изъ нее и пошелъ, по обыкновенію, прежде на верхъ къ Телешовой, а потомъ общалъ зайти на пирогъ къ имениннику. Видя генерал-губернатора въ то утро совершенно спокойнымъ, мы тоже начали успокаиваться и были почти увѣрены, что неслѣпыя вчерашніе слухи не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщія городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа, по приѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ, соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ на верхъ, въ квартиру Телешовой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъѣзду и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившіе на Офицерскую улицу и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго Экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ Балвашинъ. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: «ура!»

Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго общала. Мы, съ братомъ, начали собираться со двора, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но матушка наша взяла съ насъ слово, чтобы мы далеко не ходили, чтобы не совались въ толпу и были осторожныѣе. Мы пошли по Большой Морской и тутъ

встрѣтили Сосниццаго, который отправился вмѣстѣ съ нами; мимоходомъ втроемъ завернули мы въ Якубовичу, чтобъ отъ него, какъ отъ военнаго человѣка, что-нибудь узнать обо всей этой сумятицѣ. У него былъ приготовленъ на столѣ завтракъ, но онъ былъ видимо что-то не въ себѣ, въ какомъ-то тревожномъ состояніи. Якубовичъ поздоровался съ нами и сказалъ:

— Закусите, господа, да пойдѣте вмѣстѣ на Сенатскую площадь; сегодня присяга, посмотримъ что тамъ дѣлается...

Но намъ нешелъ кусокъ въ горло, и мы отказались отъ завтрака. Онъ велѣлъ подать себѣ шенель и мы всѣ вышли на улицу. Съ Гороховой шла значительная часть Московскаго полка, также съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа разнаго сброду и особенно пропасть мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: «ура!» Якубовичъ пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ, вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворота за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своей саблею. Мы взялись съ братомъ за руки, чтобъ толпа не оттерла насъ другъ отъ друга и пришли на Дворцовую площадь — и тамъ увидѣли новаго императора, въ полной парадной формѣ, передъ баталіономъ Преображенскаго полка. Онъ былъ блѣденъ, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшей робости, онъ торопливо отдавалъ какія-то приказанія своимъ адъютантамъ и окружавшимъ его генераламъ.

Все, видѣнное нами, до сихъ поръ была только шумная увертюра передъ той кровавой драмой, которая, черезъ часъ, должна была разыгратъся на Сенатской площади. Со всѣхъ улицъ густыя толпы людей—всякаго званія и возраста—стекались ко дворцу и къ сенату. Тамъ скакала кавалерія; тутъ бѣжала пѣхота: дальше сверкали артилерійскія орудія. Вся эта обстановка предвѣщала близкую грозу и потому мы, съ братомъ, рѣшили лучше, по добру да по здорову, обратиться во-свои.

Братъ мой хотя и разыгрывалъ героя въ многихъ народныхъ трагедіяхъ и площадныхъ мелодрамахъ, но представленіе на Сенатской площади было намъ обоемъ не по вкусу, и мы должны были оставить свое неумѣстное любопытство, за которое могли дорого поплатиться, потому что пуля-дура — не разбираетъ ни праваго, ни-виноватаго.

На обратномъ пути мы увидѣли карету гр. Милорадовича, безъ кучера и фореитора; посторонніе люди вели лошадей подъ уздцы. Тутъ намъ сказали, что въ кучера и фореитора народъ бросалъ на площади полѣвнями и избилъ ихъ, Богъ знаетъ за что.

Мы воротились домой часа въ два и рассказали отцу и матери все, что видѣли. День былъ пасмурный, перепалдалъ легкій снѣгъ и къ тремъ часамъ значительно стемнѣло. Мы все сидѣли у окошекъ и видѣли непрерывную суетню на улицѣ: то проскачетъ казакъ, то жандармъ, то фельдъегерь промчится во всю прыть. Часу въ четвертомъ, съ той стороны, гдѣ Сенатская площадь что-то мелькнуло и черезъ нѣсколько секундъ раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ — другой, третій и въ нашихъ сердцахъ болѣзненно отозвались эти зловѣщіе выстрѣлы. Матушка наша перекрестилась и заплакала. Тутъ кто-то изъ нашихъ знакомыхъ прибѣжалъ къ намъ прямо съ площади и связалъ, что гр. Милорадовичъ смертельно раненъ и что въ бунтовщиковъ стрѣляли картечью. Матушка наша никого изъ домашнихъ не отпускала отъ себя. Обѣденный столъ давно былъ накрытъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходило пойти въ столовую и мы цѣлый вечеръ провели въ мучительномъ безпокойствѣ и неизвѣстности. Едва только совсѣмъ смерклось, какъ начали показываться казацкіе патрули по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Казакамъ было приказано разгонять народъ, если онъ будетъ собираться кучками или толпою.

Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры и нѣкоторые части войска оставались тамъ до утра; около дворца ночевала артилерія съ заряженными пушками, по другимъ улицамъ разставлены были пиветы. На другой день, очень рано я, съ братомъ, пошелъ на Сенатскую площадь и мы увидѣли кровавые слѣды вчерашней драмы. Въ сенатѣ оконочныя стекла и рамы втораго этажа были разбиты въ дребезги. Говорили, что покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, желая избѣгнуть пролитія крови, приказалъ артилеристамъ сдѣлать первый выстрѣлъ по верху; но тутъ было нѣсколько невинныхъ жертвъ неумѣстнаго любопытства: иные зѣваки, которые забрались на балконъ, чтобы оттуда взглянуть, что дѣбалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы, съ братомъ, въ то утро сами

гидѣли кровавыя пятна на стѣнѣ и на нѣкоторыхъ колоннахъ. Около сената, во многихъ мѣстахъ, снѣгъ былъ смѣшанъ съ кровью; остатки ночныхъ востровъ чернѣлись повсюду. Конно-гвардейскіе отряды разѣвжали по главнымъ улицамъ. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ унтер-офицера о князѣ Одоевскомъ, который былъ тогда корнетомъ въ этомъ полку. Унтеръ какъ-то подозрительно взглянулъ на меня и грубо отвѣчалъ мнѣ:

— Ты спрашиваешь: гдѣ князь Одоевскій? Ну, гдѣ онъ будетъ еще Богъ вѣсть!

Братъ мой взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ ты тутъ суешься? Видишь, стало быть, и бѣдный князь попался.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій былъ другомъ Грибоѣдова и мы у него въ дому познакомились съ нимъ. Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ; онъ былъ очень красивой наружности, прекрасно образованъ, кроткаго и добраго характера, но энтузіастъ, съ пылкимъ воображеніемъ, его легко было увлечь въ разговоръ. Шиллеръ былъ его любимымъ поэтомъ и вообще онъ восхищался нѣмецкой литературой. Въ роковой вчерашній день онъ оставилъ свой полкъ и перешелъ въ ряды бунтовщиковъ.

По слѣдствію оказалось, что онъ уже полгода назадъ сдѣлался членомъ тайнаго общества.

Розыскы и допросы слѣдственной комисіи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Часто случалось намъ, въ продолженіи этого времени, видѣть фельдъегерскую тройку съ какимъ-нибудь несчастнымъ, котораго везли къ допросу изъ-за заставы; или, иногда, подъ вечеръ стоявшію наемную карету у крыльца какаго-нибудь дома, откуда выходилъ человѣкъ, закутанный въ шубу, или шинель, садился съ жандармскимъ офицеромъ въ карету, а жандармъ помѣщался на возлахъ или на запяткахъ. Тяжело, грустное было время.

Могло-ли намъ, съ братомъ, придти въ голову, что за нѣсколько недѣль до 14-го декабря мы обѣдали въ кругу главныхъ двигателей заговора. Матушка наша долго была въ тревожномъ состояніи, опасаясь, чтобы намъ не пришлось несолоно похлебать

за эти обѣды и чтобы и насъ не позвали въ допросу за компанію, но, слава Богу, этого не случилось.

Однажды (это было уже въ августѣ мѣсяцѣ, 1826 года) къ намъ пришелъ деньщикъ Якубовича и сказалъ брату, что его господинъ приказалъ доставить ему, на память, волтеровскія сафьянныя кресла. Матушка до смерти перепугалась и не хотѣла слышать объ этомъ подаркѣ.

— Сохрани тебя Господи, Базиль, братъ эти кресла, говорила она ему; можетъ быть въ нихъ запрятаны какія-нибудь бумаги, которыя могутъ тебя погубить!

Братъ хоть и посмѣялся этому предположенію, но не взялъ кресель, чтобъ успокоить матушку. Мы стали спрашивать деньщика, когда и какъ былъ арестованъ Якубовичъ и онъ намъ все подробно рассказалъ. Поздно вечеромъ 14-го декабря, Якубовичъ воротился домой, тотчасъ же зарядилъ карабинъ и поставилъ его на окошко, потомъ велѣлъ на-крѣпко запереть двери съ подъѣзда и рѣшительно никого не впускать къ нему. Часу въ первомъ ночи пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ, съ жандармами, и требовалъ, чтобъ его впустили; ему долго не отворяли дверей, но когда онъ грозился ихъ выломать, Якубовичъ приказалъ отпереть двери. Всѣ бумаги его были забраны и сложены въ наволочку и онъ безпрекословно позволилъ взять себя.

Тутъ его деньщикъ простодушно прибавилъ:

— Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они изволили зарядить карабинъ? Онъ такъ, нетронутый, и остался на окошкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ Якубовича былъ очень загадоченъ; никто, конечно, не сомнѣвался въ его храбрости; и, глядя на его воинственную личность, казалось бы что этому человѣку — жизнь ни почемъ, но, быть можетъ, онъ еще надѣялся оправдаться, а можетъ быть у него просто не хватило духу — пустить себѣ пулю въ лобъ, несмотря на то, что черкеская пуля уже проложила туда дорогу.

Долго еще послѣ 14-го декабря ходили по городу разные анекдоты и рассказы — и въ драматическомъ и комическомъ родѣ; такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что увлеченные къ бунту солдаты положительно не знали настоящей причины возмущенія; начальники и предводители ихъ, заставляя ихъ кричать: «здравствуетъ конституція!» увѣряли солдатъ, что это супруга

Константина Павловича. Нѣкоторые изъ солдатъ, стоявшіе около сената, захватили тогда, въ свой кружокъ, какого-то стараго нѣмца-сапожника, зѣвавшаго на нихъ по близости изъ любопытства. Они его заставили ружейными прикладами, вмѣстѣ съ ними, провозглашать конституцію! Бѣдный нѣмецъ надсѣдался до хрипоты, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, сказалъ имъ:

— Господа солдаты, ради Бога, отпустите меня, возьмите свѣжаго нѣмца, у меня больше голосу нѣтъ, я совсѣмъ не могу провозглашать русскую конституцію!

П. Каратыгинъ.

